

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА С КОРНЕМ *-вѣр-* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Григорьева Н.С.

Корень **иѣр-* имеет индоевропейское происхождение. Результаты его развития встречаются не только в славянских, но и в других индоевропейских языках. В русском языке рассматриваемый корень получил достаточно широкое развитие и на протяжении всей истории языка был продуктивным в словообразовательном отношении. Несмотря на то что слова с корнем *-вѣр-* имеют различные смыслы (доверие, убежденность, истинность, преданность), значение веры в Бога на протяжении истории русского языка играло большую роль, в большинстве периодов – важнейшую. Вера – центральное для православия понятие. До XVIII в. не было слова *религия*, «в древнерусском языке соответствующее понятие передавалось словом *вера*» [1].

В данной статье представляются результаты исследования лексики с корнем *-вѣр-* с религиозным значением в истории русского языка с обращением к данным старославянского языка. Названная лексика рассматривается в динамике развития с точки зрения функционировавших в различные периоды словообразовательных парадигм с корнем *-вѣр-* с религиозным значением. Корпус лексем составлялся по данным исторических словарей («Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, «Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)», «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Словарь русского языка XI-XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля) и «Словаря современного русского языка» в 17 т.

Количество лексем с корнем *-вѣр-* с религиозной семантикой увеличивалось до XVIII в. В памятниках старославянского языка было

зафиксировано 24 лексемы, в древнерусских текстах – уже 70, в старорусском языке – 80. По данным словаря языка XVIII в., состав лексем с корнем *-вѣр-* с религиозным значением несколько снижается – до 72 единиц. В XIX в. зафиксировано самое большое в истории русского языка число слов с корнем *-вѣр-* с религиозной семантикой – 101. XX век характеризуется резким падением количества религиозных лексем с корнем *-вѣр-* – до 62 единиц. По приведенным цифрам видно, что моментами сокращения религиозной лексики с корнем *-вѣр-* являются два периода – XVIII в., период петровских преобразований, и XX в., время советской власти. В остальные эпохи ее количество увеличивалось. Такая картина не удивительна, потому что, как известно, и XVIII в., и большая половина XX в. характеризовались отделением культуры от церкви.

За рассматриваемый период развития русского языка религиозная лексика с корнем *-вѣр-* функционировала в рамках 46 словообразовательных парадигм: в их составе бесприставочные лексемы, а также дериваты с различными префиксами и композиты.

Бесприставочные образования с корнем *-вѣр-* с религиозным значением существовали во все периоды истории русского языка: в древнерусском языке (ДРЯ, XI–XIV вв.: *вѣра*, *вѣрование*, *вѣровати*, *вѣрно*, *вѣрными*, *вѣрне*), старорусском языке (СтРЯ, XV–XVII вв.: *вѣра*, *вѣрникъ*, *вѣрование*, *вѣрный*, *вѣрно*, *вѣрити*, *вѣровати*, *вѣроватися*), языке XVIII в. (*вѣра*, *вѣрование*, *вѣрный*, *вѣрующий*, *вѣрно*, *вѣрить*, *вѣровать*, *вѣроваться*), XIX в. (*вѣра*, *вѣрую*, *вѣрованье*, *вѣрный*, *вѣрить*, *вѣровать*) и XX в. (*вера*, *верую*, *верование*, *верующий*, *верить*, *веровать*). Характерно, что большинство из них во все времена обладали многозначностью и называли также явления, не связанные с верой в Бога.

Наиболее активными в образовании лексем в корнем *-вѣр-* с религиозным значением в истории русского языка были отрицательные префиксы *без-* и *не-*. Они участвовали в словообразовании указанной группы дериватов во все периоды развития русского языка: древнерусском языке (*безвѣрие*, *безвѣрство*, *безвѣрствие*, *безвѣрными*; *невѣрствие*, *невѣрство*, *невѣрие*, *невѣрование* и

др.), старорусском языке (*безвѣрие, безвѣрникъ, безвѣрство, безвѣрный, безвѣрствовати; невѣра, невѣръ, невѣрникъ* и др.), языке XVIII в. (*безвѣрие, безвѣр, безвѣрник* и др.; *невѣрие, невѣрение, невѣрующий* и др.), XIX в. (*безвѣрство, безвѣр, безвѣрщина* и др.; *невѣрие, невѣрство, невѣр* и др.) и XX в. (*безверие, безверье, безверный; неверие, неверный, неверующий*). Другие приставочные образования не отличались таким количеством и устойчивостью в лексической системе. В период с XI по XVIII вв. зафиксированы лексемы с религиозным значением с корнем *-вѣр-* и сочетанием префиксов *из-* и *у-* (ДРЯ: *изоувѣръ* – «тот, кто упорно придерживается ложной веры; вероотступник», *изоувѣро*; СтРЯ: *изувѣръ, изувѣрити, изувѣритися*; XVIII в.: *изувѣрство, изувѣръ, изувѣрка, изувѣрный, изувѣрствовати*); с XV в. до современности – с префиксами *не-* и *до-* (*недовѣрокъ* – «человек, нетвердо верующий»). В XI и XIX вв. зафиксированы лексемы с религиозным значением с корнем *-вѣр-* и префиксом *у-* (ДРЯ: *увѣрными* – «достойный веры»; XIX в.: *увѣренье* – «приведенье, обращенье в веру»). Остальные дериваты с религиозным значением с корнем *-вѣр-* и приставками функционировали только в одну эпоху. Так, в древнерусском языке, по данным словарей, было два глагола с религиозным значением с корнем *-вѣр-* и префиксом *въз-* (*възвѣрати, възвѣровати* – «поверить, уверовать»). В текстах старорусского языка встречается прилагательное с корнем *-вѣр-* и префиксами *пре-* и *из-* – *преизвѣрный* («извращающий догматы православной церкви»). При этом в памятниках старославянского языка была зафиксирована одна лексема с корнем *-вѣр-* и приставкой *въ-* с религиозным значением – *въвѣрити* («сделать верным, верующим»). Этот глагол существовал и в русском языке еще с древнерусского периода, но имел уже значение доверия, но не приведения в веру в Бога.

Особенностью религиозной лексики в корнем *-вѣр-*, в отличие от слов с тем же корнем с другими значениями, является большая активность в образовании сложных слов с двумя корнями. На протяжении рассматриваемого периода истории русского языка суще-

ствовало 37 словообразовательных парадигм, содержащих композиты с корнем *-вѣр-* с религиозным значением. Количество словообразовательных парадигм с композитами с корнем *-вѣр-* с религиозным значением увеличивалось и уменьшалось в соответствии с общими тенденциями развития этой группы лексики. В древнерусский период существовало 13 названных парадигм: с компонентами *благо-* (*благовѣрие* – «набожность, благочестие», *благовѣрныи*, *благовѣровати* и др.), *бого-* (*боговѣрие* – «вера в бога, набожность, благочестие»), *всье-* (*всьевѣрь* – «искренне верующий», *всьевѣрныи*, *всьевѣрно*), *добро-* (*добровѣрованье* – «благоверие, набожность», *добровѣрье*, *добровѣрство*, *добровѣрныи*), *дѣво-* (*дѣвовѣрье* – «исповедание двух вер», *дѣвовѣрьць*, *дѣвовѣрно*, *дѣвовѣровати*), *едино-* (*единовѣрье*, *единовѣрьникъ*, *единовѣрныи*), *зѣло-* (*зѣловѣрие* – «отступление от догматов веры; ложное вероучение», *зѣловѣрьць*, *зѣловѣрствовати* и др.), *ино-* (*иновѣрие* – «иное (не христианское) вероисповедание», *иновѣрьникъ*, *иновѣрьць*, *иновѣрныи*), *криво-* (*кривовѣрство* – «еретичество, нечестие, кошунство», *кривовѣрныи*), *-люб-* (*вѣролюбыць* – «тот, кто предан (христианской) вере»), *мало-* (*маловѣрие* – «сомнение в вере, недостаток веры», *маловѣрь*, *маловѣрныи*), *право-* (*правовѣрие* – «истинная, правая вера», *правовѣрьникъ*, *правовѣрныи* и др.), *худо-* (*худовѣрие* – «маловере»). Из них пять были наследием старославянского языка (парадигмы с компонентами *благо-*, *зло-*, *ино-*, *мало-*, *право-*). Большинство слов образовано от словосочетания модели *вера (какая?)* и служит для описания характера веры. Таких деривационных парадигм восемь: с компонентами *благо-*, *добро-*, *едино-*, *зѣло-*, *ино-*, *криво-*, *право-*, *худо-*. Характерно, что все эти композиты продолжают те смысловые линии, которые прослеживались в старославянском языке. Вырисовывается четкая оппозиция между характеристиками веры человека - положительной и отрицательной. Причем количество этих характеристик равно и им соответствует по четыре словообразовательных модели. Видно разделение на веру истинную – «благую», «добрую», «единую», «правую», и неистин-

ную, неправильную – «злую», «иную», «кривую», «худую». Противопоставление понятий добра и зла было в высшей степени значимым для средневековой культуры и сознания средневекового человека. По утверждению Т.И. Вендиной, «жизнь средневекового человека предопределялась его выбором земного пути к спасению, т.е. выбором между добром и злом. Понимание им добра во многом определяло ценности средневекового общества, его этические и даже эстетические идеалы». [2, с. 183]. Для средневекового религиозного сознания было важным определить, является ли вера человека праведной, правильной или нет. Добро связывалось с истинной верой, с Христианством, эта вера вела человека к Богу. Злом же считалось отсутствие веры в Бога или нехристианская вера, верование в какие-то другие сверхъестественные силы. Примечательно, что и среди положительных, и среди отрицательных характеристик веры есть по одной относительной: «единая» с христианством религия – праведная, «иная», чужая -ложная. В остальных композитах дается качественная характеристика веры человека.

Две словообразовательные парадигмы с композитами с корнем *-вѣр-* с религиозным значением в древнерусском языке дают указание на количество и объем веры: с компонентами *дѣво-* (от словосочетания «две верь») и *мало-* («мало верь»). Слова обеих парадигм несут отрицательную коннотацию. На количество веры в человеке указывают также композиты с компонентом *вѣсе-*, говоря о том, что человек «весь в вере». Объектом вера выступает в одном композите с корнями *-вѣр-* и *-люб-* – *вѣролюбыць* («любящий (что?) веру»). Один композит выражает смысл религиозной веры и содержит в себе название главного объекта веры – *боговѣрие* («вера в Бога»).

В старорусском языке рассматриваемых деривационных парадигм уже 20: одиннадцать сохраняются от древнерусского языка (с компонентами *благо-*, *все-*, *дво-*, *добро-*, *едино-*, *зло-*, *ино-*, *криво-*, *мало-*, *право-*, *худо-*), остальные являются новыми (*купновѣрный* – «единоверный»; *подобновѣрный* – «исповедующий такую же религию»; *полувѣрие* – «искаженное с точки зрения православия веро-

учение (о католицизме)», *полувѣрный*; *разновѣрцы* – «люди разных вер»; *своевѣрецъ* – «человек общей с кем-л. веры, единоверец», *своевѣрный*; *слововѣрие* – «вероисповедание, религиозное убеждение»; *срациновѣрникъ* – «тот, чья вера подобна сарацинской»; *неявѣръ* – «не верящий»). В 19 названных парадигмах раскрывается характер веры. 12 образованы от словосочетаний типа *вера (какая?)* и дают ее качественную характеристику: «благая», «добрая», «единая», «купная», «подобная», «правая», «своя»; «разная», «злая», «иная», «кривая», «худая». Среди них, как и в старославянском и древнерусском языках, видна оппозиция «благой», «правой», «единой» веры и «злой», «худой», «иной». В четырех парадигмах вера характеризуется по ее объему, количеству: сколько веры? Человек может быть «весь» в вере (*всевѣръ*), у него может быть «две» веры (*двоевѣрье*), «мало» веры (*маловѣрие*) или «половина» веры (*полувѣрие*). В трех словообразовательных парадигмах с двумя корнями указывается, какой именно вере следует человек, во что он верит: *идоловѣрие*; *слововѣрие*; *срациновѣрникъ*. Во всех вышеперечисленных деривационных парадигмах вера получала свою характеристику. И только одно слово – *неявѣръ* – образовано по модели, где вера выступает в качестве объекта.

В XVIII в. количество словообразовательных парадигм с композитами с корнем *-вѣр-* с религиозным значением уменьшается до 18, причем только восемь из них приходят из старорусского языка (с компонентами *благо-*, *добро-*, *едино-*, *зло-*, *ино-*, *криво-*, *мало-*, *право-*), остальные 10 появляются в эту эпоху: *бесновѣрство* – «фанатизм, изуверство; ересь», *бесновѣрный*; *вѣроисповедание*; *лжевѣрие* – «еретичество, суеверие»; *одновѣрецъ* – «единоверец»; *вероотметникъ* – «тот, кто отвергает веру; атеист», *вѣроотметный*; *вѣропроповедание* – «проповедь какого-л. вероучения», *вѣропроповедывание*, *вѣропроповедникъ*; *старовѣръ*, *старовѣрка*; *вѣроотступникъ* – «тот, кто отступил, отпал от какой-л. веры», *вѣроотступнический*; *вѣропреступникъ* – «вероотступник»; *вѣротерпение*. В обозначенных парадигмах продолжает преобладать описание характера веры. На то, какая вера, указывают лексе-

мы 10 словообразовательных парадигм. Они характеризуют веру как «благую» (*благовѣрие*), «добрую» (*добровѣрие*), «единую» (*единовѣрие*), «одну» с кем-то (*одновѣрец*), «правую» (*правовѣрие*); «злую» (*зловѣр*), «иную» (*иновѣрие*), «кривую» (*кривовѣр*), «ложную» (*лжевѣрие*); «старую» (*старовѣр*). По-прежнему сохраняется оппозиция положительный и отрицательной характеристики веры. В одной словообразовательной парадигме отражается предмет веры: *бесновѣрство*, *бесновѣрный*. Еще в одной вера характеризуется через ее полноту, количество: *маловѣрие* и др. Увеличивается количество деривационных парадигм, в которых вера выступает объектом действия, – их становится шесть (в старорусском языке – одна). Это композиты с компонентами -*исповед-* (*вѣроисповедание*), -*отмет-* (*вѣроотметник*), -*проповед-* (*вѣропроповедание*), -*отступ-* (*вѣроотступник*), -*преступ-* (*вѣропреступник*), -*терп-* (*вѣротерпение*). Характерно, что во всех перечисленных композитах корень -*вѣр-* находится в препозиции.

XIX в. стал временем увеличения рассматриваемых парадигм до 21, причем совершенно новой является только одна из них – с компонентом *голо-* (*головѣрие* – «отделение веры от дел, от любви; убеждение, что одна вера, без дел, спасает человека», *головѣр*, *головѣрец*, *головѣрка*), остальные уже фиксировались в XVIII в. или ранее. Большинство слов, как и в предыдущие периоды развития русского языка, раскрывают характер веры. В одиннадцати словообразовательных парадигмах вера характеризуется с точки зрения того, какая она: «благая» (*благовѣрие*, *благовѣрство*, *благовѣрность*, *благовѣрный*), «правая» (*правовѣрие*, *правовѣрство*, *правовѣрный*), «единая» (*единовѣрие*, *единовѣрчество*, *единовѣрство*, *единовѣр*, *единовѣрец*, *единовѣрка*, *единовѣрный*, *единовѣрческий*), «одна» с кем-то (*одновѣрец*); «злая» (*зловѣрие*, *зловѣрство*, *зловѣрец*, *зловѣр*, *зловѣрка*, *зловѣрный*), «кривая» (*кривовѣрие*, *кривовѣрный*), «ложная» (*лжевѣрие*), «иная» (*иновѣрие*, *иновѣрство*, *иновѣрец*, *иновѣрка*, *иновѣрный*, *иновѣрческий*), «разная» с кем-то (*разновѣрие*, *разновѣрцы*, *разновѣрный*), «голая» (*головѣрие*,

головѣр, головѣрец, головѣрка); «старая» (старовѣрие, старовѣрство, старовѣрчество, старовѣр, старовѣрка, старовѣрец, старовѣрческий). Как видно, продолжает в целом сохраняться оппозиция положительной и отрицательной оценки характера веры. В трех словообразовательных парадигмах оценивается количество, объем веры в человеке: веры может быть «две» (двоевѣрие, двувѣрие); «половина» (полувѣра); «мало» (маловѣрие, маловѣрство, маловѣрный, маловѣр). В семи парадигмах вера выступает в качестве объекта действия: вера «исповедуется» (вѣроисповеданье, вѣроисповедатель, вѣроисповедательница, вѣроисповедник, вѣроисповедница), «отмечается» (вѣроотметство, вѣроотметник, вѣроотметница, вѣроотметчик, вѣроотметчица, вѣроотметный), «нарушается» (вѣронарушение, вѣронарушитель, вѣронарушительница), «отрицается» (вѣроотрицатель, вѣроотрицательница), «проповедуется» (вѣропроповедничество, вѣропроповедание, вѣропроповедник, вѣропроповедница, вѣропроповедный, вѣропроповеднический), от веры «отстают» (вѣроотступничество, вѣроотступник, вѣроотступница, вѣроотступный, вѣроотступнический), чужую веру «терпят» (вѣротерпимость, вѣротерпимый). Слова четырех из семи приведенных парадигм указывают на отрицание веры.

В XX в., в период советской власти, словообразовательных парадигм с композитами с корнем *-вер-* с религиозным значением остается только 14, появляется одна новая парадигма – со вторым корнем *-уч-* (*вероучение, вероучитель*). Тринадцать парадигм современного русского языка являются наследием предыдущих эпох: шесть – древнерусской (с компонентами *дво-*, *едино-*, *ино-*, *криво-*, *мало-*, *право-*), два – старорусского периода (*разно-*, *свое-*), пять – XVIII в. (*-исповед-*, *одно-*, *старо-*, *-отступ-*, *-терп-*). Десять из названных парадигм дают характеристику веры. В восьми из них раскрывается, какая вера: «единая» (*единовѣрие, единовѣрчество, единовѣрец, единовѣрка, единовѣрный, единовѣрческий*), «одна» (*одноверец*); «правая» (*правовѣрие, правовѣрность, правовѣрный*); «иная» (*иновѣрие, иновѣр, иновѣрец, иновѣрка, иновѣрный, иновѣрческий*,

иноверчески), «кривая» (*кривоверие, кривоверный*), «разная» (*разноверие, разноверцы, разноверный*), «своя» (*своеверие, своеверный*), «старая» (*староверие, староверчество, староверство, староверщина, старовер, староверка, староверский, староверческий*). Две словообразовательные парадигмы характеризуют веру с точки зрения количества и объема: *двоеверие, двоеверец, двоеверка, двоеверный; маловерие, маловер, маловерка*. В четырех словообразовательных моделях вера выступает как объект действия: как и прежде, она «исповедуется» (*вероисповедание, вероисповедный*), ей «учат» (*вероучение, вероучитель*), от нее «отступают» (*вероотступничество, вероотступник, вероотступница, вероотступнический*), чужую веру «терпят» (*веротерпимость, веротерпимый*). Характерно, что ряд лексем трех словообразовательных парадигм, имевших исконно религиозное значение, приобретают и другие смыслы. Это композиты *благоверный* – «шутливо-иронический эпитет одного из супругов»; *маловерие* – «недостаток веры, убежденность в чем-либо; сомнение», *маловер, маловерка, маловерный*; *правоверие* – «перен. Верность какому-либо учению, системе взглядов», *правоверность, правоверный*; *староверство* – «следование старым обычаям, привычкам, вкусам», *старовер, староверка*.

В истории русского языка до XVIII в. в составе словообразовательного гнезда с корнем *-вѣр-* господствовала религиозная лексика, затем в XVIII в. она перестает количественно преобладать, в XIX в. снова происходит ее всплеск, и в XX веке – снова уменьшение. В таком количественном выражении отражается секуляризация культуры, которая в нашей стране приходилась именно на XVIII в. (эпоха Петра I) и XX в. (период советской власти). Особенностью религиозной лексики с корнем *-вѣр-* всегда было большое количество композитов, причем подавляющее большинство из них описывали характер веры. При описании того, какая вера, еще со старославянского языка просматривалась четкая оппозиция в оценке веры: была это вера «благая», «правая», «единая» с православными людьми или «злая», «иная», то есть нехристианская. Постепенно рядом с этими композитами появляются новые, где вера,

как вера в Бога, выступает в качестве объекта действия или даже для описания другого предмета. В XX в. религиозная лексика утрачивает свое прошлое значение, многие лексемы в словаре приводятся с пометой «устаревшее» и/или употребляются только в религиозных текстах или проповедях, некоторые приобретают значения, не связанные с религией.

Библиографический список:

1. Тимофеев, К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения / К.А. Тимофеев. – Новосибирск, 2001. – 88 с. // <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm>
2. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М., 2002. – 336 с.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Комлева М.Н.

С точки зрения техники конструирования окказиональные единицы в заголовочных комплексах газет представляют, с одной стороны, наиболее активные в современном русском языке способы словообразования, с другой – внесистемные приемы, заключающиеся в разнообразном манипулировании морфным и звукобуквенным составом общеупотребительных (или широко употребительных в СМИ) слов. Окказионализмы, образованные по первому принципу, внешним обликом практически не отличаются от обычных, узуальных слов (например: *зурабовщина*, *августология*; ср. *махновщина*, *политология*). Не отличаются они и от «классических» окказионализмов, то есть таких, которые возникают в качестве средства выразительности в художественной речи и органично